

М. Куделя

Сумерки «красных дней»

Декабрь 1905 года
в Иркутске

Максим Куделя

**Сумерки «красных дней».
Декабрь 1905 года в Иркутске**

«Издательские решения»

Куделя М. В.

Сумерки «красных дней». Декабрь 1905 года в Иркутске /
М. В. Куделя — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836423-5

«...в чреде бурных событий „красных“ дней, как назвал их один из участников первой русской революции в Иркутске, есть одно, не то чтобы замалчиваемое, но практически не отрефлексированное. 16 декабря 1905 года в Глазковском предместье города, расположенном на левом берегу Ангары и примыкавшему к железнодорожному вокзалу, произошел настоящий „классический“ погром, жертвами которого стали местные „кавказцы“». Рассматриваются обстоятельства возникновения беспорядков, их последствия и причины.

ISBN 978-5-44-836423-5

© Куделя М. В.
© Издательские решения

Содержание

«Неважная» страница истории	6
Глазковский погром: как это было	10
Источники	10
Реконструкция событий 16—18 декабря 1905 г.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сумерки «красных дней» Декабрь 1905 года в Иркутске Максим Викторович Куделя

© Максим Викторович Куделя, 2017

ISBN 978-5-4483-6423-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Неважная» страница истории

Тревожно начинался в России 1905 год. «Эпоха доверия к обществу», объявленная министром внутренних дел князем Святополк-Мирским, назначенным на этот пост после убийства террористами его предшественника фон Плеве летом 1904 года, не оправдала возложенных на нее надежд. «Общество», в самом широком смысле этого слова, хотело не «доверия», а представительства во власти, свободы слова и печати и, что существеннее – 8-часового рабочего дня и отмены выкупных платежей за землю, висевших на многомиллионном крестьянстве с момента отмены крепостного права. Желательно немедленно.

Война с Японией тоже не добавляла очков правительству – тактика «посидим у моря, подождем погоды» привела к тому, что 20 декабря, после почти годичной блокады, был сдан Порт-Артур и практически полностью потерян тихоокеанский флот. Десятки тысяч вырванных мобилизацией из хозяйства рук, тянувшихся в сопки Маньчжурии, полупарализовавших движение по Транссибирской железнодорожной магистрали и возвращавшихся обратно тысячами раненных, только усугубляли общее недовольство текущим положением дел. И уже самому непристальному наблюдателю становилось понятно, что перемены неизбежны. Кто-то ждал их со страхом, кто-то с нетерпением и твердой уверенностью в их необходимости. К концу 1904 года общая атмосфера в стране настраивала на революционный взрыв буквально со дня на день.

Плакат времен Русско-японской войны

Традиционно насыщенный политическими ссыльными, переполненный военными, испытывающий проблемы с подвозом продовольствия Иркутск не отставал в своих настроениях от общероссийских тенденций.

5 января 1905 года на улицах г. Иркутска можно было видеть шагающую импозантную фигуру завоевателя Сибири Ермака Тимофеевича. Он был одет в древний воинский доспех «кольчугу», опоясан большим мечом, на голове у него была каска ерихонка с «бармицей» вокруг шеи и опущенной под лицом защитной стрелкой. Входя в дома, Ермак Тимофеевич глухим, загробным голосом говорил: «Что вы делаете, опомнитесь! Вы все спите, проснитесь – отряхнитесь. Не то погибнет ваша сила, мощь, иссушат её тиуны и приставники!». Появление Ермака производило необычайное

действие на хозяев квартир. На улицах прохожие взирали на Ермака с суеверным почтением¹.

У этой истории нет продолжения и на первый взгляд она смотрится чьим-то забавным розыгрышем, однако и в самой этой шутке и в реакции на нее иркутских обывателей считается характеристика момента.

Далее были «Кровавое воскресенье», «Наш царь – Мукден, наш царь – Цусима...», повсеместные крестьянские волнения, забастовки, всероссийская политическая стачка и, наконец, Манифест 17 октября – призрачная и недолгая победа над самодержавием.

По мере приближения к развязке повсеместно и во всех лагерях росли подозрительность и нетерпимость к инакомыслию, а вслед за ними поднималась волна насилия. В воздухе носилось предчувствие погромов. Со страхом ждали крестьянских погромов помещики, с обреченной уверенностью в неизбежности еврейских погромов – местечки черты оседлости, с некоторой долей бравады и даже нетерпения – студенты и революционно настроенная интеллигенция. Погромов («черных», «красных», «солдатских») с опаской ждал и обыватель, озабоченный дефицитом, дороговизной и ростом преступности. И конечно были те, кто считал, что давно пора прикрыть этот балаган со стачками из-за которого «растут цены» или «падают доходы», и что самым прямым и коротким путем к этому будет как раз силовой.

На фоне экономического кризиса и обвального падения престижа власти, активно дискредитируемой как нелегальной революционной прессой и агитаторами, так и на страницах либеральных периодических изданий, усиливающаяся поляризация общественных настроений привела к знаменитой погромной волне, прокатившейся почти по 400 населенным пунктам Российской Империи с 17 по 31 октября 1905 года. По различным оценкам в результате массовых беспорядков – собственно погромов, столкновений «разнозаряженных» манифестаций, разгона войсками – погибло от 1,5 до 4 тысяч, и было ранено от 3,5 до 10 тысяч человек². Большая часть беспорядков произошла в южных и западных губерниях, однако и в Сибири имели место резонансные эксцессы. Особенно выделились события в Томске 20—22 октября, по количеству пострадавших (69 убитых и умерших от ран, 129 раненных³) и уровню жестокости (поджог здания тяги Сибирской железной дороги и избиение пытавшихся из него спастись людей), ставившиеся в один ряд с погромами в Киеве и Одессе.

Иркутск на фоне Томска выглядел сравнительно мирным. В уличных столкновениях 16—17 октября было убито и получило смертельные ранения всего лишь 6 человек⁴. Впоследствии все активные участники событий ставили эту «малокровность» в заслугу именно себе. Так, иркутский генерал-губернатор П. И. Кутайсов докладывал Императору:

«Благодаря своевременно принятым мерам удалось, хотя и с очень большим трудом, избежать дальнейших уличных побоищ и еврейского погрома, что особенно было трудно сделать именно в Иркутске, где и при обыкновенных условиях жизни смертоубийства представляют, благодаря массе преступного элемента, явления совершенно обычные»⁵

¹ Восточное Обозрение, 1905, №7 (9 янв.).

² Степанов С. А. Черная сотня. М., 2013. – С. 86—87.

³ Шиловский М. В Томский погром 20—22 октября 1905 г. Томск, 2010. 150 с.

⁴ Восточное обозрение, 1905, №№233—235, 251. Кроме того, по политическим мотивам в ночь на 22 октября в ресторане «Россия» одним из пьяных посетителей был застрелен А. М. Станиловский. На страницах «Восточного обозрения» поименно перечислены 13 пострадавших (из них 9 с огнестрельными ранениями), обратившихся в городскую Кузнецовскую больницу, но разной степени побитых конечно же было больше.

⁵ Цит. по: О беспорядках, начавшихся в Иркутске со второй половины октября текущего года: доклад иркутского генерал-губернатора Николаю II. Доложено его величеству в Царском селе 8 января 1906 г. // Карательные экспедиции

Революционеры писали о том, что «черная сотня» не смогла проявить себя в больших масштабах только благодаря заблаговременно организованной и вооруженной ими самообороне:

«...первый же энергичный отпор, данный им нашей дружиной, когда они раз попытались устроить избиение расходящейся после Собрания публики (при этом был убит их предводитель), отнял у этой столь же трусливой, сколь и блудливой организации охоту повторять эксперименты»⁶

Редактор «Восточного обозрения» И. И. Попов, как выразитель мнений лагеря либерально настроенных земцев говорил о успешном налаживании диалога с властями:

«Кутайсов... уверял меня, что ссыльные готовят восстание, что в этом духе на митингах говорят речи. Мы заговорили о событиях. Я убеждал его не пускать в ход оружие. В конце концов он дал обещание, что солдаты не будут стрелять и при мне же послал адъютанта передать это распоряжение коменданту города. ... Он исполнил обещание – солдаты в Иркутске не стреляли»⁷

Даже иркутское священство отметилось стяжанием славы единственной преграды погрому в городе: в 1912 году, после смерти иркутского архиепископа Тихона (Данебин-Троицкого) при рассмотрении в городской думе вопроса об увековечении его памяти, это стало одним из главных аргументов в докладе гласного думы протоиерея М. А. Фивейского:

«В одну из декабрьских ночей бурного 1905 г. группу местных лиц было задумано устроить в городе погром. Представители группы явились к архиепископу с ходатайством о разрешении им ударить в 2 часа ночи в набат с колоколен местных храмов. По звукам набата и должен был начаться погром. Покойный владыка категорически воспрепятствовал этому злему умыслу и не только отказал в разрешении ударить в набат, но и обратился к делегатам со словами увещевания, убедив их оставить свою затею, мирно разойтись по своим домам и лечь спать. Таким образом, единственно лишь благодаря усилиям покойного и его личному почину, было предотвращено злое дело, которое причинило бы городу сотысячные убытки, стоило бы множества человеческих жертв и покрыло бы Иркутск позорным пятном на многие годы»⁸.

При этом в других городах те же факторы (невмешательство войск, активность революционной самообороны) зачастую приводили к обратному эффекту или никак не влияли на развитие событий (как, например, попытки священников усовестить погромщиков).

Как бы то ни было, все сходилось на том, что в Иркутске, несмотря на высокую концентрацию «раздражителей», обычно становившихся объектами черносотенных нападений – железнодорожников, телеграфистов, студентов, евреев, поляков – погрома удалось избежать. Даже имевший место факт осквернения в пятиклассном городском училище портрета императора⁹ не сыграл роль нажатия «спускового крючка», как это часто бывало в иных местах.

в Сибири. М., 1932. С. 53.

⁶ Мандельберг В. Е. Из пережитого. Давос, 1910

⁷ Попов И. И. Забытые иркутские страницы: записки редактора. Иркутск, 1989. С. 272.

⁸ «Известия Иркутской городской думы», 1912, №13/14, стр. 31.

⁹ Училище располагалось в центре города – на углу ул. Большой и Амурской (ныне здание Байкальского экономического университета). См.: Метелкина Л. Н. Общественно-политическое движение учащейся молодежи Восточной Сибири и влияние на него партий демократического направления. 1902 – февраль 1917 года: дис. ... к. и. н. Иркутск, 1993. С. 86.

Общая степень выдержки и терпимости по отношению друг к другу, присущая населению города, выгодно выделили столицу Восточной Сибири среди прочих крупных городов Империи.

Однако в череде бурных событий «красных» дней, как назвал их один из участников первой русской революции в Иркутске И. И. Серебренников, есть одно, не то чтобы замалчиваемое, но практически не отрефлексированное. 16 декабря 1905 года в Глазковском предместье города, расположенном на левом берегу Ангары и примыкавшему к железнодорожному вокзалу, произошел настоящий «классический» погром, жертвами которого стали местные «кавказцы».

Квалификация массовых беспорядков именно как «погромы» ни у кого не вызывала сомнений уже в день их возникновения. Но ни в немногочисленных газетных публикациях «по горячим следам»¹⁰, ни в воспоминаниях и исследованиях позднейшего времени не обнаруживается анализа причин вспышки агрессии, нет оценки ее последствий и даже законченного описания событий. В ряде обобщающих работ о погроме вообще не упоминается¹¹, в других он просто отмечается как факт¹² и лишь в одной единственной статье 1954 года¹³ — постулируется его провокационный и черносотенный характер, но эта интерпретация в силу ее очевидной тенденциозности осталась единичной.

С одной стороны, это объясняется тем, что «Глазковский погром» не вплетался в революционную канву, как она понималась в то время и на которой было сосредоточено внимание, как непосредственно в 1905—1906 годах, так и, тем более, в советский период.

С другой стороны, в самой скупости упоминаний современников читается недоумение и желание дистанцироваться от случившегося. Эта тенденция выразилась в объявлении единственными акторами погромы представителей социального дна и криминальных кругов («золоторотцев», «босяков»)¹⁴, чем как бы говорилось: «это были не мы». Но гораздо хуже выглядит из дня сегодняшнего «тактика» простой безоценочной констатации, создающая впечатление, что погром для Иркутска — вполне нормальное явление, о котором и писать то особо нечего — «случился и случился, дело обычное».

¹⁰ См.: Иркутские губернские ведомости, 1905, №№4230—4232.

¹¹ Локутиевский В. Воспоминания о 1905 годе // Сибирские огни, 1935, №6, С. 138—145; Вендрих Г. А. 1905 года в Иркутске. Иркутск, 1955. 48 с.; Дулов В. И., Кудрявцев Ф. А. 1905 год в Восточной Сибири. Иркутск, 1941. 152; Дулов, В. И., Кудрявцев Ф. А. Революционное движение в Восточной Сибири в 1905 – 1907 гг. Иркутск, 1955. 192 с.; Очерки по истории Иркутской организации КПСС. Ч. 1: 1901—1920 гг. Иркутск, 1966. 381 с.; Колмаков Ю. П. Иркутская летопись 1661—1940 гг. Иркутск, 2003. 847 с.

¹² Серебренников И. И. «Красные» дни в Иркутске // Сибирские вопросы, 1907, №27, С. 4; Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897—1907 гг. СПб, 1908. С. 82; Мелентьев А. Забайкальская железная дорога во время мира и Русско-Японской войны 1900—1907 г. Асхабад, 1911. С. 131; Войтинский В. С., Горнштейн А. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. 159—160; Гольдберг И. Г. То, что вспомнилось (Листки о 1905 г. в Иркутске) // Сибирские огни, 1925, №4—5, С. 222; Попов И. И. Забытые иркутские страницы: записки редактора. Иркутск, 1989. С. 272.; Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902—1924. Иркутск, 1994. С. 65; Иркутск в панораме веков: очерки истории города. Иркутск, 2002. С. 247; Чернигов А. К. Иркутские повествования. Т. 1. Иркутск, 2003, С. 308; Шиловский М. В. Первая русская революция 1905—1907 гг. в Сибири. Новосибирск, 2012. С. 161—162; Иркутский край. Четыре века. Иркутск, 2012. С. 415; Сысоев А. Л. Криминальные хроники Иркутска: хронологический перечень. Иркутск, 2013. С. 178—179.

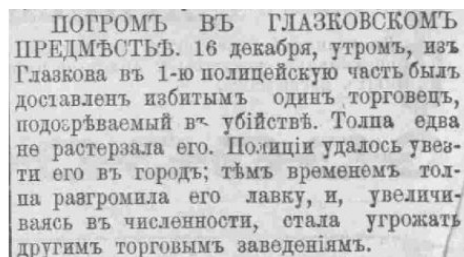
¹³ Яковлев Н. Н. 1905 год в Иркутске // Труды Московского гос. историко-архивн. ин-та, Т. 6, 1954, С. 75—165.

¹⁴ Войтинский В. С. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. 159—160.

Глазковский погром: как это было

Источники

Одним из наиболее информативных опубликованных источников о событиях 16—18 декабря и их последствиях является серия материалов в иркутской газете «Восточное обозрение»¹⁵. Это краткие новостные заметки, объявления и, что особенно интересно, показания очевидцев – рабочего железнодорожного депо и владельца одного из разгромленных домовладений. К сожалению, публикация этих свидетельств по не вполне понятным причинам не была завершена. Возможно, их отодвинули на второй план более «горячие» новости, такие как покушения на гражданского вице-губернатора (23 декабря) и исполняющего дела полицмейстера (26 декабря). С объявлением же в городе военного положения и ретирадой в Россию, ввиду приближения карательного эшелона Меллер-Закомельского, главного редактора газеты И. И. Попова, в силу вероятно вступили самоцензурные соображения, поскольку «Восточное обозрение», как либеральный рупор в освещении событий акцентировалась на бездействии властей. Впрочем, 24 января 1906 года издание все равно было закрыто постановлением временного генерал-губернатора Даниловича¹⁶.

«Иркутские губернские ведомости», 1905, №4230

Вторым источником сведений выступает официальный печатный орган – «Иркутские губернские ведомости». Они, конечно, были не так оперативны и красочны в деталях, однако в чем-то более точны в силу прямого доступа к полицейской информации. Недаром «Ведомости» неоднократно поправляли «Восточное обозрение», часто слишком спешившее донести до читателей сенсационные новости.

И, наконец, очень интересным и подробным источником является часть «Отчета о деятельности Иркутского Аптечного Склада Красного Креста» доктора Александра Никитича Червенцова¹⁷, оказавшегося волею случая в эпицентре событий 16—18 декабря. Отчет был опубликован в 1909 году в книге «Красный крест в тылу армии в Японскую кампанию 1904—1905 годов», причем содержит даже несколько фотографий.

¹⁵ Восточное обозрение, 1905, №№279—285, 288—290.

¹⁶ «Иркутские губернские ведомости», 1906, №4259 (24 янв.), С. 2.

¹⁷ Червенцов А. Н., заведовал медицинской частью района, старший врач 5 и 6 дезинфекторских отрядов, врач Байкальской переправы на пароходе «Феодосий», заведовал столовой при станции Иркутск, аптечным складом. Сведения см.: Список лиц, командированных Главным управлением и Главноуполномоченным в учреждения Красного Креста Сибирского района во время Русско-Японской войны 1904—5 гг. // Кауфман П. М. Красный крест в тылу армии в Японскую кампанию 1904—1905 годов. Т. 1: Сибирский район. Ч. 1. – СПб., 1909. – С. 371.

Реконструкция событий 16—18 декабря 1905 г.

16 декабря. Пятница

В начале девятого часа утра пятницы 16 декабря 1905 года, едва вошло солнце¹⁸, а 22 градусный мороз¹⁹ был особенно ощутим, под мостом на Мало-Александровской²⁰ улице близ дачи бухгалтера горного управления Ф. И. Кроновича²¹ был обнаружен труп ефрейтора 4 Заамурского железнодорожного батальона Николая Кузьменко с огнестрельным ранением в грудь и ножевым – на горле. Следы крови на снегу вели к дому Шустова на той же улице. В нем располагалась мелочная лавка и чаевая, содержимые «жителем селения Грен, Телавского уезда, Тифлиской губернии, Николаем Хахутовым»²².

«Дача Кроновича» неоднократно фигурировала в документах заседаний иркутской городской думы на рубеже веков²³. Сегодня это дом по адресу ул. Профсоюзная, 16. В 1905 году он снимался городской управой под глазковское начальное училище²⁴.

Буквально в течение часа у места предполагаемого убийства собралась толпа, состоявшая главным образом (но не исключительно) из железнодорожных рабочих, кондукторов, смазчиков и т. п. Причем, по свидетельству одного из очевидцев имела место прямая «мобилизация» – с 9 утра или даже ранее в депо²⁵ начали приходить люди, говорившие, что *«в одной из черкесских лавок убили солдата»* и комендант станции *«зовет рабочих помочь арестовать и обыскать убийц»*. Более того, кое кто прямо заявлял, что комендант зовет *«разбить черкесов»*, то есть имела место установка на конфликт с «черкесами» («кавказцами»), являвшимися, среди прочих, держателями мелочной торговли, заведений общепита и гостиничных «нумеров» в районе вокзала.

¹⁸ Восход солнца 16 декабря в Иркутске приходился в 1905 году на 8 ч. 10 мин. (см. «Иркутский календарь на 1901 год». Иркутск, 1901. С. 38), что соответствует 9 ч. 14 мин. по стандартному «зимнему» времени, используемому в Иркутской области с 26 октября 2014 года.

¹⁹ Температура по Цельсию здесь и далее приводится по данным бюллетеней Иркутской магнитно-метеорологической лаборатории. См.: Иркутские губернские ведомости, 1905, №4232 (20 дек.), С. 3 и №4234 (22 дек.), С. 3.

²⁰ Мало-Александровской улицы нет ни на планах Иркутска, ни в адресных и памятных книжках, издававшихся ежегодно. В справочнике 1901 г. дача Кроновича перечислена в списке домовладений по Предполагаемой Александровской улице. В некоторых источниках (см., например, на сайте «Иркипедия») Мало-Александровской называется современная ул. Белинского, являющаяся логическим продолжением улицы Профсоюзной за рощей «Звездочка». Однако еще в справочнике 1908 г. Александровская ул., оканчивается рощей.

²¹ См.: Адрес-календарь г. Иркутска, 1901 г. С. 168, 417

²² Иркутские губернские ведомости, 1905, 19 дек., С. 3.

²³ Известия Иркутской городской думы, 1898, №23—24, С. 749; 1899, №9—10, 1899, С. 12; 1900, №21—22, С. 374—375; 1903, №3—4, С. 23; 1909, №1—2, С. 66.

²⁴ Известия Иркутской городской думы. 1907, №5—8, С. 378.

²⁵ Здесь не совсем понятно куда приходили «агитаторы». Депо (вагонный сарай) сгорело дотла буквально за несколько дней до описываемых событий – в ночь с 12 на 13 декабря. Возможно, речь идет о новом каменном здании, которое строилось с осени 1905, но находилось в процессе отделки до весны 1906 года.

Общий настрой был таков, что железнодорожники (а в иркутском депо их насчитывалось порядка восьми-деяти сотен²⁶) начали массово сниматься с работы и двигаться к дому Шустова. Причем по пути им приходилось миновать труп Кузьменко, не убранный еще и к 10 утра, а лишь прикрытый шинелью²⁷. Это могло стать дополнительным раздражающим фактором, поскольку железнодорожные войска формировались преимущественно из рабочих-железнодорожников, и они в какой-то мере воспринимались как «свои».

В какой момент начались собственно беспорядки, не вполне ясно. Дальнейшая хронология событий восстанавливается с трудом. Нет уверенности даже в том, что полиция вообще присутствовала при начале погрома. Можно предположить, что всё началось с отправки подозреваемого «в город», что могло быть воспринято возбужденными людьми, как попытка увести его от ответственности.

«Толпа стала требовать выдачи ей Хахутова, над которым хотела учинить самосуд. Однако полицейскому чиновнику удалось отправить Хахутова, тайком от толпы, в 1 [полицейскую] часть»²⁸.

Правда, в другом описании указывается, что

²⁶ Численность рабочих депо – открытый вопрос. В «Постановлении собрания рабочих Иркутского железнодорожного депо» от 2 января 1906 г. указано число присутствующих – 840 человек (См.: Революционное движение в Иркутской губернии в период первой русской революции. Иркутск, 1955. С. 125). В то же время есть сведения, что в депо («Вагонном сарае») в то время работало порядка 200 человек (см.: Иркутское пассажирское вагонное депо. 100 лет / сост. В. Л. Курочкин, М. Г. Баграев. Иркутск, 1997. С. 9). Однако, учитывая количество оружия, выданного рабочим депо для организации дружины самообороны (около 650 ед., о чем см. ниже), я склоняюсь к более высокой цифре.

²⁷ Восточное обозрение, 1905, 21 дек., С. 2.

²⁸ Сибирь, 1912, 6 апр., С. 3.

«арестованного Хахутова, страшно избитого, околоточному надзирателю едва удалось спасти от ярости толпы»²⁹.

«Тайком» и «страшно избитого» уже плохо сочетаются, а, кроме того, по свидетельству анонимного участника событий, избиваемых обитателей дома Шустова защитили и сдали под охрану военных члены городской дружины самообороны:

«Я держался того мнения, что всех кавказцев без причинения им побоев арестовать, обезопасив их таким путем. ... В это время из угла вытащили кавказца небольшого роста. Мы тотчас же окружили его, защищая от ударов, и благополучно довели до вагона, если не считать двух ударов со стороны каких-то личностей. Следом за нами к вагону привели страшно окровавленного кавказца, за ним третьего. Всех их посадили в вагон, а толпу разогнали, чтоб она не убила арестованных. ... Сдав арестованных кавказцев на попечение военного караула, я отправился с кучкой своих товарищей на место погрома»³⁰.

О полиции в этом описании нет ни слова. То, что именно околоточный отправил Хахутова за реку сомнений не вызывает, но его заслуги как спасителя «от ярости толпы» не столь очевидны.

Как бы то ни было, уже к 10 часам утра толпа приступила к разгрому лавки Хахутова. Причем в «классическом» для начала погромов стиле – с порчей и уничтожением имущества, поисками подтверждений своим подозрениям, которые могли быть использованы в качестве оправдания для дальнейших самосудных действий.

«В толпе говорили, что в лавочке найдены три винтовки, башлык, папаха и др. солдатские вещи. Толпа все сокрушала: разбивала двери, выворачивала полы, все ища чего-то»³¹.

Глазковское предместье на плане Иркутска 1908 г.

В течении следующего часа погром распространился на Кругобайкальскую³² и Александровскую³³ улицы, сохраняя свой преимущественно деструктивный характер:

²⁹ Восточное обозрение, 1905, 21 дек., С. 2.

³⁰ Восточное обозрение, 1905, 21 дек., С. 2; 22 дек., С. 2.

³¹ Восточное обозрение, 1905, 21 дек., С. 2.

³² Сейчас ул. Терешковой

³³ Сейчас ул. Профсоюзная

«На Кругобайкальской улице, по обеим ее сторонам, стоял народ; погром происходил всех лавок, которые находились против водокачки недалеко от церкви. Видно было, как одна сторона улицы внимательно следила за другой, где всё время неслись дикие вопли толпы, какие-то предметы летели на воздух и слышались выстрелы»³⁴.

«На месте погрома мне представилась дикая картина истребления самых разнообразных товаров. Одни, забравшись в лавку, выбрасывали оттуда товары, другие тут же их уничтожали. Различные материи, новые резиновые калоши – все рвалось и резалось ножами в клочья. Все хрупкое вдребезги разбивалось»³⁵.

По мере эскалации беспорядков число их участников увеличивалось за счет присоединения демобилизованных солдат, находившихся в районе станции, и местных обывателей вполне определенного образа жизни:

«К рабочим присоединились несколько подозрительных личностей, как напр. пьяный, с подбитыми глазами, оборванец и два-три мелких торговца»³⁶.

Усиливалось ожесточение, подогреваемое спиртным из «разбиваемых» лавок.

«Вот из лавочки выскакивает кавказец и что есть силы пускается бежать по улице. Удары палками сваливают его с ног, а выстрелы уже в лежащего, беспомощного человека приканчивают его. ... толпа продолжает бесчинствовать. Вновь раздаются выстрелы, после которых воздух оглашается страшным нечеловеческим криком женщины. ... Бегу вперед и вижу валяющуюся по земле уже немолодую женщину черкешенку. Она безутешно рыдает. Тут же лежит окровавленный труп седого кавказца, как оказалось – ее мужа»³⁷.

«...оттуда выбежал какой-то „черкес“, раздались выстрелы и прежде, чем он успел перебежать улицу, „черкес“ упал, на него бросились какие-то люди, которые его добили. Видны были еще два лежащие на улице трупа, валялись вещи из разгромленных лавок»³⁸.

³⁴ Червенцов А. Н. Отчет о деятельности Иркутского Аптечного Склада Красного Креста // Кауфман П. М. Красный крест в тылу армии в Японскую кампанию 1904—1905 годов. Т. 1: Сибирский район. Ч. 1. – СПб., 1909. – С. 331—343.

³⁵ Восточное обозрение, 1905, 22 дек., С. 2.

³⁶ Червенцов А. Н. Указ. соч.

³⁷ Восточное обозрение, 1905, 21 дек., С. 2.

³⁸ Червенцов А. Н. Указ. соч.

Разгром винной лавки. Иллюстрация из журнала Life 1905 г.

Избиение начинало переходить в откровенный грабеж и дикие эксцессы.

«...подбежал товарищ и сказал, что у убитого кавказца какой-то солдат отрезает пальцы с золотыми кольцами. „На войне, – говорит, – мы всегда так делали“ ... Я собственными глазами видел обрубки пальцев на правой руке какого-то кавказца»³⁹.

Отмечались факты нападений и на «посторонних» граждан:

«Тут же голосит женщина, у которой какой-то рабочий намеревался отнять багаж»⁴⁰.

В то же время с исчезновением эффекта внезапности и смещением событий к вокзалу, в районе которого концентрация «кавказских» заведений, видимо, была наибольшей, начинается сопротивление и с обеих сторон в ход пошло огнестрельное оружие. Хотя многие владельцы торговых заведений просто спешно закрывали их и разбегались⁴¹.

К 11 часам утра погромная волна достигла района вокзала. Толпа численностью около 300 человек начала разбивать гостиницу «Лондон» и находящийся рядом магазин.

«При этом из домов, занимаемых черкесами, велась непрерывная стрельба из ружей и револьверов, на что толпа отвечала также выстрелами. На площади лежали убитые и раненые»⁴².

Попытки противодействия погрому, как уже упоминалось, начались практически сразу. В толпе было какое-то количество и «сознательных» граждан. Однако уговоры, что вполне типично для подобных ситуаций, не давали никакого эффекта, лишь подвергая опасности самих противников погрома.

«...я уговаривал публику расходиться, кричал рабочим, чтоб они отправлялись на работу, что им нечего здесь делать. Но все было напрасно.

³⁹ Восточное обозрение, 1905, 22 дек., С. 2.

⁴⁰ Восточное обозрение, 1905, 22 дек., С. 2.

⁴¹ «Так как стало известно о намерении громил идти к дому Онанашвили, все магазины стали быстро закрываться все „черкесы“ стали прятаться» (Червенцов А. Н. Указ. соч.)

⁴² Сибирь, 1912, 6 апр., С. 3.

Мои уговоры не действовали. Напротив, со всех сторон я слышал в ответ: – А ты кто такой, что заступаешься? Или самому пулю в лоб хочется?»⁴³.

Действовать более активно им не позволяла явная малочисленность. Кроме того, те из них, которые состояли членами «городских»⁴⁴ дружин самообороны, вероятно, были дезориентированы происходящим: в октябре-ноябре самооборона была нацелена прежде всего на защиту стачечников и охрану митингов от нападений «черной сотни», в меньшей степени – на предотвращение ночных грабежей и разбоев. Здесь же все перевернулось с ног на голову – среди бела дня громили те, кого предполагалось защищать.

Единственным действенным средством прекращения беспорядков могло стать только вмешательство властей, ближайшим представителем которых был комендант станции. К нему и обратились уже в самом начале погрома. Однако все, что предпринял не так давно назначенный исполняющим обязанности коменданта штабс-ротмистр Степанов⁴⁵ – вывел 40 находившихся в его распоряжении солдат и оцепил вокзал. Впоследствии это решение служило поводом для обвинений в попустительстве и чуть ли не поддержке погрома, однако с точки зрения буквы закона ничего иного от него ждать и не приходилось. Охрана станции являлась для коменданта не просто главной, но единственной задачей. И убийство, и вызванные им беспорядки происходили за полосой отчуждения железной дороги, действовать за пределами которой, тем более с применением или угрозой применения оружия, Степанов мог только с санкции местных властей⁴⁶.

Главной проблемой было то, что в предместье не было войск (во всяком случае таких, на которые можно было положиться, учитывая только что подавленную солдатскую забастовку и срочную демобилизацию запасных). Сообщение с центральной частью города сильно осложнялось тем, что понтонный мост, связывавший ее с «железнодорожным» левобережьем, был снят еще днем 10 декабря ввиду начинающегося ледостава⁴⁷. Паромная (плашкоутная) переправа налажена не была⁴⁸, а пароходная и, тем более, лодочная были небыстрыми и небезопасными:

«В дни ледостава разлившаяся кипящая Ангара представляет жуткое зрелище. Над водой все время стоит густой туман. Под прикрытием тумана по черной воде проносятся большие льдины. В их неожиданном появлении и заключается опасность переправы»⁴⁹.

С началом погрома околоточный (с Хахутовым?) отправился за Ангару, а Степанов послал за поддержкой к коменданту сборного пункта иркутской внутренней эвакуационной комиссии Кривцову. Сборно-эвакуационный пункт представлял собой бараки на так называемой «Переселенческой ветке» или «Переселенческой платформе», где-то в районе

⁴³ Восточное обозрение, 1905, 21 дек., С. 2.

⁴⁴ То есть дружин центральной (правобережной) части Иркутска. В Глазково своей дружины до декабрьских событий не было.

⁴⁵ Еще летом 1905 года комендантом станции Иркутск значится подполковник Воллк. Степанов на тот момент был офицером, прикомандированным к управлению заведующего передвижением войск забайкальского района Генерального штаба (см. «Известия Иркутской городской думы». 1905. №9—12, С. 55)

⁴⁶ Восточное обозрение, 1905, 31 дек., С. 2.

⁴⁷ Восточное обозрение, 1905, 12 дек., С. 2.

⁴⁸ По свидетельству Червенцова, еще и 17 декабря студент Аполлосов, посланный им за помощью, «с опасностью для жизни» пересек Ангару. «Ледоход был в полном разгаре; моста не было; лодочки не решались пускаться в рискованный путь. Добыв с величайшим трудом ялик, Главноуполномоченный все-таки пробился через лед и с уполномоченным Лилиенфельдом-Тоаль вскоре к нам прибыл».

⁴⁹ Железников Н. Жизнь и скитания изобретателя-самоучки. V. Земноводный велосипед по бумажным рекам // «Вокруг света». М.: «Земля и Фабрика», 1929. №3.

современной улицы Тургенева⁵⁰. Войск не было и там, так как события пришились на «окно» между эвакуационными эшелонами. Была только охрана пункта, которую Кривцов и отправил на станцию под командованием прапорщика запаса.

Можно предположить, что находившиеся на станции 40 человек и прибывшие со сборного пункта еще 30 были железнодорожной охраной⁵¹. Как бы еще и не того самого батальона, в котором служил Кузьменко. Это могло бы объяснить и нежелание Степанова отпускать их из-под своего непосредственного контроля и довольно пассивное поведение этих охранников. Подошедшие со сборного пункта военные были направлены Степановым «пройтись по предместью» с предписанием не открывать стрельбы и не производить арестов⁵². Проку от этой демонстрации было немного, и в конце концов дружинники попросили их продвинуться по Александровской в сторону циклодрома (нынешний парк им. Парижской Коммуны) с целью отсечь дальнейшее распространение погрома⁵³.

В это же время (11:30) к вокзалу прибыли пристав 1 полицейской части, в «зону ответственности» которого входило Глазковское предместье – титулярный советник Николай Ареньевич Иванов⁵⁴ – с пятью городовыми. По его оценке, толпа уже достигла численности в 2,5 тысячи человек. Вполне вероятно, что это было преувеличением, но реально оценив свои силы, он занял выжидательную позицию, по-видимому отправив в город очередную просьбу о подкреплении⁵⁵.

Дальнейшие события концентрировались уже непосредственно у вокзала и их центром стал комплекс строений, располагавшихся на углу улицы Кругобайкальской и привокзальной площади (сейчас угол ул. Терешковой и Челнокова). Здания принадлежали иркутскому мещанину, грузину Николаю Соломоновичу Онанашвили. В угловом доме по-видимому размещался магазин, в следующем двухэтажном здании с июля 1904 года находился аптечный склад «Красного Креста» и его службы⁵⁶, в соседнем, существующем и сегодня, каменном двухэтажном – гостиница «Южный Кавказ», в чьем подвале размещалась часть склада «Красного Креста», и во дворе этих двух строений – ресторан.

⁵⁰ Изначально использовался в качестве материального склада Красного Креста, с конца 1904 года передан иркутской внутренней эвакуационной комиссии.

⁵¹ Еще в августе 1904 года иркутская дума выделила 1000 руб. на зимнее переоборудование дачи Звездочка, где были расквартированы 80 нижних чинов и канцелярия – штаб дружины №24 государственного ополчения, охраняющей железнодорожный путь (См.: Известия Иркутской городской думы, 1904, №15—16, С. 416—417). Штаб продолжал размещаться там еще и в ноябре 1905 года (См., напр., объявление о торгах: «Иркутские губернские ведомости, 1905, 12 нояб., С. 1)

⁵² Восточное обозрение, 1905, 31 дек., С. 2.

⁵³ Восточное обозрение, 1905, 22 дек., С. 2.

⁵⁴ Согласно «Памятным книжкам Иркутской губернии» Н. А. Иванов был приставом 3-й части г. Иркутска в период 1903 – начала 1905 гг., затем приставом 2-й ч. и, наконец, в апреле 1905 г. был назначен приставом 1-й части (См.: Восточное обозрение, 1905, 6 апр., С. 2). Однако в конце апреля приставом 1-й части все еще был коллежский асессор А. Н. Галкин (См.: Восточное обозрение, 1905, 30 апр., С. 2).

⁵⁵ Сибирь, 1912, 6 апр., С. 3.

⁵⁶ В верхнем этаже этого бесплатно уступленного Онанашвили Красному Кресту здания жила администрация и санитары, в среднем находился склад медикаментов и инструментов, в подвальном – посуда, дезинфекционные средства, операционные столы и проч., а также с 6-го декабря 1904 года по 15-е марта 1906 года чайная-столовая для проезжающих через г. Иркутск с востока демобилизованных солдат-«одинокчиков».

Гостиница «Привокзальная». Снимок Google Maps, 2013

Первым, между 11:00 и 11:30, не взирая на присутствие полицейских чинов и выставленный Степановым у дома военный караул, был разгромлен угловой магазин.

«Толпа была значительная и, не смотря на присутствие караульных солдат, доканчивала погром указанного дома... Громилы, если это были рабочие, все попадавшее им под руку уничтожали или бросали караулу – табак, папирсы, хлеб и т. п. Грабеж принял огромные размеры. Солдатам объясняли причину погрома и подстрекали их к грабежу»⁵⁷.

Погромные «активисты» пытались побудить толпу к штурму «Южного Кавказа», требовали от пассажиров (большей частью офицеров) покинуть номера, что те и стали делать со всей возможной поспешностью⁵⁸.

Сам Онанашили несколько раз обращался с просьбами о защите к Степанову, собирався даже откупиться от погромщиков, но в конце концов

«по настоянию своей русской прислуги, скрылся, перескочив через забор. Ночевал он в одном русском семействе, а затем перебрался в город»⁵⁹.

К полудню избиения прекратились и погром перешел в следующую фазу – основным мотивом теперь служила нажива:

«Если до полудня можно было говорить о разгроме, как о мести кавказцам за убийство солдата, то после полудня начался самый откровенный грабеж. Если до полудня застрельщиками являлись некоторые деповские рабочие, то после 12 ч. выступили погромных дел мастера, по-видимому, прибывшие к этому времени из города. Началось самое наглое расхищение имущества кавказцев»⁶⁰.

Дружинники и присоединившиеся к ним граждане как могли противодействовали грабежу: пытались отбирать растаскиваемые вещи, разбивали и разливали спиртное⁶¹. Параллельно с помощью санитаров аптечного склада «Красного Креста» (оттуда брали бинты и вату для перевязок) и военных врачей, приведенных заведующим этого склада доктором А. Н. Червенцовым со сборного пункта, началось оказание первой помощи раненым (как «кавказцам», так и «русским»), некоторые из которых были отправлены в ближайшую – железнодорожную⁶² – больницу⁶³.

⁵⁷ Червенцов А. Н. Указ. соч.

⁵⁸ Там же

⁵⁹ Восточное обозрение, 1905, 23 дек., С. 2.

⁶⁰ Восточное обозрение, 1905, 22 дек., С. 2.

⁶¹ Восточное обозрение, 1905, 23 дек., С. 2.

⁶² Располагалась в квартале между нынешними улицами Профсоюзной, Звездинской и Челнокова, напротив рощи «Звездочка».

⁶³ Червенцов А. Н. Указ. соч.

Во втором часу дня на место событий явился исправляющий должность иркутского полицмейстера подполковник Николай Антонович Никольский⁶⁴. Был ли он недостаточно информирован или просто понадеялся на свой авторитет, но воинских подразделений с ним не было. Что конкретно он предпринял для прекращения беспорядков неизвестно, однако результат, по свидетельству анонимного дружинника, был обратным желаемому:

«В этот момент я в первый раз увидел полицмейстера. Он о чем-то говорил с толпой. ... Назади в это время толпа что-то закричала. Оглядываюсь и вижу такую картину. Полицеймейстер Никольский, схватив в руки шапку, изо всех сил убегает от толпы, которая изрыгает по его адресу различные ругательства»⁶⁵.

Более того, несколько позже комендант станции Степанов в своих показаниях прямо обвинит Никольского в невольном провоцировании толпы на дальнейший грабеж.

«...до появления полицмейстера толпа совершенно успокоилась и стала расходиться, и только нецелесообразные действия и распоряжения полицмейстера повели к тому, что толпа возросла до громадных размеров, и погром принял такой грандиозный характер»⁶⁶.

Правда, эта межведомственная эскапада могла быть реакцией на неизбежный «разбор полетов» с поисками крайнего. Полиция со своей стороны тоже в долгу не осталась. Тот же пристав Иванов свидетельствовал, что Степанов не только не предотвратил погром имевшимися в его распоряжении военными силами, но и до некоторой степени подстрекал к нему.

«Так, когда толпа громил хлынула на лавку Бесеневица (не кавказца), то Степанов закричал: „Ребята, как вам не стыдно, ведь это – не черкесы“»⁶⁷.

Как бы то ни было, вновь возбудившаяся толпа разгромила и разграбила ресторан Онаншвили, находившийся во дворе «Южного Кавказа», а когда через два часа полицмейстер вернулся с ротой⁶⁸ солдат, которые начали прикладами ружей разгонять всех присутствующих, еще и лавку турецкого подданного Харлампова на противоположной стороне улицы⁶⁹.

Досталось всем – и хулиганам, и дружинникам, и простым зрителям⁷⁰. К четырем часам вечера привокзальная площадь и Кругобайкальская улица были без единого выстрела очищены и оцеплены⁷¹. При этом нет упоминаний ни о каких арестах. Свежих пострадавших отправили в железнодорожную, а трупы – в Кузнецовскую больницу, за реку. Собственно, на этом погром и его подавление завершились. Способствовали этому наступившая темнота⁷² и усиливающийся мороз⁷³.

⁶⁴ До осени 1900 года – числящийся по армейской пехоте штабс-капитан исправляющий должность участкового пристава С.-Петербургской городской полиции. Высочайшим приказом по военному ведомству от 21.09.1900 г. назначен исправляющим должность Иркутского полицмейстера, с оставлением по армейской пехоте. (См.: Иркутские губернские ведомости, 1900, №113). Прибыл в Иркутск 30.10.1900 г. (Иркутские губернские ведомости, 1900, №127); 1901—1904 гг. – капитан; 1905 г. – подполковник.

⁶⁵ Восточное обозрение, 1905, 22 дек., С. 2

⁶⁶ Сибирь, 1912, 6 апр., С. 2.

⁶⁷ Сибирь, 1912, 6 апр., С. 2.

⁶⁸ Порядка 100—150 человек

⁶⁹ Сибирь, 1912, 6 апр., С. 2.

⁷⁰ Восточное обозрение, 1905, 23 дек., С. 2

⁷¹ Червенцов А. Н. Указ. соч.

⁷² Заход солнца в 15:55 (см.: Иркутский календарь на 1901 год. Иркутск, 1901. С. 38).

⁷³ В 9:00 вечера термометр показывал -26°C (см.: Иркутские губернские ведомости, 1905, 20 дек., С. 3).

Войска оставались в предместье до 19:30, после чего полицмейстер снял все караулы. Причиной такого решения Никольского вряд ли могла быть уверенность в прочном умиротворении предместья, поскольку обстановка в городе в октябре-ноябре 1905 года не оставляла сомнений в обратном. Скорее, причиной было то, что он мог распоряжаться лишь теми войсками, которые ему выделялись временно командующим 2-й Сибирской пехотной дивизией генерал-майором Даниловичем и лишь в той мере, в какой ему это позволялось. С войсками между тем было плохо – буквально на днях было подавлено восстание (военная стачка) иркутского гарнизона, в срочном порядке демобилизованы запасные, а из оставшихся выделялись на постоянной основе 4 офицерских патруля в помощь полиции⁷⁴, не справлявшейся с разгулом криминала в самой центральной части города. Таким образом, Глазково фактически было брошено на произвол судьбы, а, если сказать прямо, – погромщиков.

«караул еще вечером был снят, в разгромленных помещениях рылись со свечами какие-то люди, слышались звон разбиваемых стекол и выстрелы»⁷⁵.

Страшным итогом «черной» пятницы стали десять трупов: пекарь Тетеос Караказьян, Абек Григоров, Абрам Мураньянц, Яков Аванесов, Филипп Бабаев, Манук Арзаков и Исак Хамразов⁷⁶, Датразая Исай⁷⁷, Степан Гогонашвили⁷⁸, а также скончавшийся 17 декабря в железнодорожной больнице гимназист VI класса Иван Бабаев⁷⁹.

Кроме того, в железнодорожной больнице находилось пятнадцать серьезно раненых:

«Мастеров, истопник; Давид Машула Ашвили, буфетчик III к.; Спиридон (фамилию не говорит), грузин; Мария Мельникова, 19—20 л., прислуга в номерах; Антон Дейвис, столяр депо; Петр Баткон, из города; Федор Головачев, конторщик; Михаил Пахтил, истопник; Расопин, кондуктор; Александр Королев, служащий из тяги; Фарафанов, из города; Казаков, токарь депо; Михеев, проводник; Иван Кунаев, служащий ж. д.; Борзенко, истопник»⁸⁰.

Число раненых «несерьезно» и просто избитых (в том числе и при разгоне толпы) неизвестно, но уже и из приведенных данных очевидно, что декабрьские события по числу жертв сопоставимы с октябрьскими. Зато с большим отрывом они опережают их масштабами причиненных разрушений и убытков. Согласно отчету полицмейстера, в ходе погрома 16 декабря было «разбито» 12 заведений – два трактира, две кухмистерские, две чаевые и шесть мелочных лавок⁸¹.

17 декабря. Суббота

Второй день погрома, к сожалению, нашел детальное отражение только в упомянутом отчете Червенцова, который по понятным причинам содержит информацию только для привокзальной локации. Газеты ограничились несколькими строками, которые мало что

⁷⁴ Червенцов А. Н. Указ. соч.

⁷⁵ Там же

⁷⁶ Сибирь, 1912, 6 апр., С. 3.

⁷⁷ Восточное обозрение, 1905, 18 дек., С. 3.

⁷⁸ Иркутские губернские ведомости, 1905, 19 дек., С. 3.

⁷⁹ Иван Бабаев, скончался в железнодорожной больнице в 6 ч. вечера 17 декабря «от 2-х огнестрельных ран и нескольких тупым орудием» (Восточное обозрение, 1905, 18 дек., С. 3)

⁸⁰ Восточное обозрение, 1905, 18 дек., С. 3.

⁸¹ Иркутские губернские ведомости, 1905, 19 дек., С. 3.

добавляют к реконструкции событий. Что происходило весь день собственно в предместье – неизвестно. Вероятно, просто продолжался грабеж уже «разбитых» или брошенных спасающимися «кавказцами» без присмотра домов. О новых жертвах не сообщалось, а вот количество разоренных торговых заведений в итоге увеличилось до 19⁸².

Самым характерным во втором дне было отсутствие импульсивности. Толпа начала собираться во дворе Онанашвили с утра, однако, несмотря на отсутствие охраны и то, что ресторан был уже разгромлен вчера, продолжить грабеж при свете нового дня люди решились далеко не сразу. Активистам пришлось уговаривать и снова разжигать страсти:

«...приходил напр. человек и показывал баишлык, пояс и фуражку санитаря Красного Креста, на фуражке значится: „Канарев“; эти вещи найдены в подвале разгромленного ресторана Онанашвили, а это, будто бы, указывало на ограбление или даже убийство санитаря»⁸³.

Изменился и состав погромщиков. Если в первый день их ядром выступали деповские рабочие, то в субботу это был разный чернорабочий элемент и запасные нижних чинов 23-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона⁸⁴. В составе «чернорабочего элемента», конечно же были и откровенно криминальные личности, но можно предположить, что массу создавали обитатели так называемого «Порт-Артура» – района самовольной застройки, ограниченный реками Иркутом, Ангарой и линией железной дороги⁸⁵. Дислокацией для запасных нижних чинов, возможно, служило Глазковское городское начальное училище имени Святого князя Владимира⁸⁶, еще весной 1904 года отданное в распоряжение военного министерства.

Только к 12 часам дня толпа решилась на какие-то действия. Начали опять с ресторана. После 15:00, наконец-то добрались до «Южного Кавказа». Караул из двух десятков солдат (вероятно все той же железнодорожной охраны, находившейся в распоряжении

⁸² Чаевая Хахутова, лавка турецкого подданного Харлампова, номера «Южный Кавказ» и «Лондон», магазин Петроса Погосова, пекарня Сетрака Люсперова, лавка и ночлежная Арама Петрусианца, лавка Иваниса Аллахверды, ресторан «Ялта» Салона Гергеванова, номера «Байкал» Леверсана Геладзе, чаевые Леона Огапова и грузина Мурадова, пивная Ивана Бабаева, «Черноморская кухмистерская» Осипа Фулиди, кухмистерская «Америка» Григория Мелитоса, лавочка Мекертиса Бакчинова и Абеля Абелова, номера и кухмистерская Онанашвили, магазин Манук Антонова в доме Онанашвили, лавка Аванесова в доме Онанашвили, кухмистерская «Железная дорога» Спасака Хамрозова, ресторан Ивана Бабаева // Сибирь, 1912, 6 апр., С. 3.

⁸³ Червенцов А. Н. Указ. соч.

⁸⁴ Иркутские губернские ведомости, 1905, 20 дек., С. 3.

⁸⁵ Сейчас этот район Иркутска имеет неофициальное название «Затон».

⁸⁶ Сейчас в этом здании по адресу ул. Гоголя, д. 33, расположена детская музыкальная школа №3

коменданта Степанова), к тому времени появившийся у здания, сделал несколько выстрелов в воздух, но погрому не воспрепятствовал⁸⁷. Пассивность караула возможно объясняется тем, что он был поставлен для охраны вовсе не «Южного Кавказа», а магазина Красовского по адресу: ул. Кругобайкальская, 2, то есть располагавшегося непосредственно по соседству с «Южным Кавказом»⁸⁸. Официальные «Иркутские губернские ведомости» сообщают, что беспорядки были прекращены в 5 часов дня⁸⁹, однако этому противоречит отчет доктора Червенцова:

«...с наступлением темноты⁹⁰, когда грабеж еще продолжался, я ушел. Придя в 8 часов вечера на склад, я видел блуждающие огни во всех этажах разгромленной гостиницы: ночной грабеж продолжался»⁹¹.

Намеренным или случайным результатом этих блужданий со свечами стал пожар «Южного Кавказа», начавшийся около 10 часов вечера. Благодаря стоявшему в эти дни безветрию⁹² и усилиям пожарных удалось отстоять от огня здание аптечного склада, в котором, среди прочих медикаментов хранились запасы эфира. Тушение здания самой гостиницы было занятием безнадежным: в Глазково была лишь одна (пятиблочковая) пожарная машина, из города никто прибыть не мог, нормальной водокачки или взвозов для пополнения запаса воды не было. Мало того, *«были попытки остановить тушение нарочно был перерезан рукав»⁹³*, что косвенно свидетельствует о поджоге. В общем, ночь на 18 декабря у вокзала была не слишком спокойной. Опять собрались люди, движимые самыми разными мотивами. С одной стороны:

«...явились несколько молодых людей, с ружьями за плечами, объявив себя „охранниками“; эти люди вели себя безукоризненно, помогали тушить и охраняли здание нашего склада»⁹⁴.

В то же время были и обратные примеры:

«Когда начался пожар, мы решили взять из своего имущества наиболее ценное и отвезти в Глазковское общежитие сестер, а склад запереть... В то время, когда мы перетаскивали вещи на вокзал, в здание склада, выбив в дверях стеклянную раму, ворвались хулиганы, под предлогом спасения имущества; в результате – пропажа вещей и денег. Во время пожара я обращался к ротмистру Степанову, который на мою просьбу об охране склада заявил, что за полосу отчуждения железных дорог он давать солдат не имеет права»⁹⁵.

К 4 часам утра «Южный Кавказ» выгорел. Пожарные и дружинники ушли⁹⁶.

⁸⁷ Червенцов А. Н. Указ. соч.

⁸⁸ О «роте» (?) солдат оцепивших магазин Красовского упоминает без указания источника краевед Чернигов в книге «Иркутские повествования», Т. 1, С. 308. Адрес лавки Красовского см.: Сибирь, 1910, №44, С. 2. О закрытии мелочной лавки Красовского по Кругобайкальской, 2 за беспатентную торговлю водкой и пивом.

⁸⁹ Иркутские губернские ведомости, 1905, 20 дек.

⁹⁰ Заход солнца около 15:50 ч., конец сумерек – приблизительно 16:30. См.: Иркутский календарь на 1901 год, С. 38.

⁹¹ Червенцов А. Н. Указ. соч.

⁹² Скорость ветра в эти дни согласно бюллетеням иркутской магнитно-метеорологической обсерватории, не превышала 1 м/с. (см.: Иркутские губернские ведомости, 1905, 22 дек., С. 3).

⁹³ Червенцов А. Н. Указ. соч.

⁹⁴ Там же

⁹⁵ Там же

⁹⁶ Там же

18 декабря. Воскресенье

Третий день погромным вообще назвать можно только с натяжкой. По сообщению газеты «Восточное обозрение»:

«Воскресенье в Глазковой прошло спокойно, если не считать бесчинств в разгромленных домах, производимых уличными мальчишками»⁹⁷.

Настоящей причиной окончательного прекращения беспорядков по-видимому стало прибытие очередного железнодорожного эшелона с эвакуируемыми с востока войсками⁹⁸. Порядок установился просто «сам собой», за счет того, что присутствие регулярных армейских подразделений означало возвращение в предместье власти. Нижние чины были направлены на разбор завалов сгоревшего здания (в которых обнаружился практически неповрежденный склад кеты), аптечный склад Красного креста эвакуировали на переселенческий пункт⁹⁹, а прятавшиеся владельцы и обитатели «кавказских» торговых заведений начали возвращаться в свои разгромленные дома.

В тот же день пострадавшие «кавказцы» собрали сходку, решившую организовать собственную дружину самообороны, на вооружение и оснащение которой тут же было собрано 600 рублей. Надо полагать, что идея эта прозвучала еще раньше, поскольку в городе уже распространялись слухи о готовящемся ответном погроме «русских» в Глазково. В связи с этим собрание сразу обозначило свою позицию:

«кавказцы решили образовать собственную дружину, но она отнюдь не будет преследовать тех целей мщения русскому населению вообще и рабочим депо в частности за погром, о которых в городе ходит такая масса самых разнообразных слухов, а предназначается только для охраны от убийц и грабителей мирных граждан без различия национальностей. С этой целью кавказская дружина входит в органическую связь с остальными существующими в городе дружинами»¹⁰⁰.

В подтверждение этих намерений небольшой отряд кавказской дружины уже вечером того же дня участвовал в патрулировании центральной части города. Более того, в среду (22 декабря) объединенное совещание железнодорожников и «кавказцев» уже принимало

⁹⁷ Восточное обозрение, 1905, 20 дек., С. 2.

⁹⁸ Вероятно, это произошло во второй половине дня, так как Червенцов сообщает, что эвакуация аптечного склада с утра шла в тех же условиях отсутствия охраны.

⁹⁹ Червенцов А. Н. Указ. соч.

¹⁰⁰ Восточное обозрение, 1905, 20 дек., С. 3.

постановление вполне административного порядка о запрете на территории Глазковского предместья и Порт-Артура беспатентной торговли спиртным, закрытии монопольных винных лавок на период с 25 декабря по 7 января 1906 года и об аресте лиц, воспользовавшихся огнестрельным оружием (с его конфискацией). Контроль за исполнением решений как раз и возлагался на «глазковскую самооборону»¹⁰¹.

Интересным, но, к сожалению, не датируемым, представляется в этой связи также эпизод с участием в событиях 16—18 декабря отряда самообороны иннокентьевских железнодорожников¹⁰². О нем скупо упоминается в «Обвинительном акте по делу о восстании (военной стачке) части Иркутского гарнизона. Ноябрь – декабрь 1905 г.», причем цель выезда иннокентьевской дружины указана в нем в такой форме: «для участия в погроме Глазковского предместья»¹⁰³. Кроме того, имеются беллетризованные воспоминания участника этой экспедиции – слесаря иннокентьевского депо Ильи Федоровича Мухартова, опубликованные в 1929 году в журнале «Вокруг света». Несмотря на литературную обработку этих мемуаров они насыщены подробностями и именами, на поверку оказывающихся достоверными.

«В один морозный ноябрьский¹⁰⁴ день гудок созвал иннокентьевских рабочих. Столяр Аношко сообщил, что из Иркутска получено тревожное сообщение. На станции Глазково «чёрная сотня» устроила погром. Грабят, поджигают магазины, началась резня. Охраны никакой нет. Надо немедленно ехать на помощь...

Илья во всю прыть сбегал домой за ружьём. Когда он вернулся, был уже готов поезд из шести вагонов. Собралось ехать более двухсот человек. Выбрали двух руководителей, – машинистов Бродецкого и Подгорбунского. Паровоз прицепили такой, как для курьерского поезда, и через четверть часа уже подъехали к станции Глазково. Высоко поднимались в морозном воздухе столбы дыма над горящими магазинами. Около станции – толпа самого подозрительного вида, большинство пьяных, много оборванцев, бродяг.

Иннокентьевские рабочие прошли к разграбленным домам. Грабители рассеялись. Стали собираться местные жители, глазковские железнодорожники. Пожарных было мало, работали плохо. Собравшиеся взялись помогать. Скоро затушили пожары. Тем временем пришли жители посёлка при лесопильном заводе. Сказали, что на их посёлок предполагается какое-то нападение. Отряд разделили на две части: половина осталась на станции, другая пошла к лесопильному заводу. Илья был в числе отправлявшихся к посёлку. По дороге остановились в депо. Протяжным гудком созвали рабочих, устроили небольшой митинг. Предложили иркутскому депо организовать у себя самооборону, так как томский погром, события того дня и многочисленные отдельные грабежи и убийства вынуждают к этому. В посёлок пошли уже вместе с иркутскими железнодорожниками. Продемонстрировали объединение рабочих, вселили

¹⁰¹ Восточное обозрение, 1905, 23 дек., С. 2.

¹⁰² Станция Иннокентьевская (сейчас Иркутск-Сортировочный) в рассматриваемый период относилась к Сибирской железной дороге с центром в Томске, а станция Иркутск – уже к Кругобайкальской ж. д. На Иннокентьевской размещалось крупное паровозоремонтное депо, с числом работников порядка двух тысяч, что делало станцию и прилегающий посёлок одним из центров рабочей активности.

¹⁰³ Цит. по: Яковлев Н. Н. 1905 год в Иркутске // Труды Московского гос. историко-архивн. ин-та, Т. 6, 1954, С. 161.

¹⁰⁴ Так в тексте. Это может быть и ошибкой набора, и ошибкой записывавшего воспоминания Мухартова Железникова, и ошибкой самого Мухартова, рассказывавшего историю через 25 лет.

страх в громил. В посёлке посоветовали в случае опасности дать гудок. По первому же гудку из депо явится помощь»¹⁰⁵.

Исходя из упоминания Мухартовым пожаров, можно предположить, что выезд состоялся именно 18 декабря. Так впечатлившие молодого слесаря «столбы дыма над горящими магазинами», вероятно, имели источником уже выгоревший «Южный Кавказ», остатки которого какое-то время должны были дымиться. Учитывая то, что сам Мухартов в тушении пожара участия не принимал, возможно, что никакого тушения и не было. Собственно, и о погроме в рассказе речь не идет. Только о его последствиях.

Смена слесарей иннокентьевского депо, май 1905. Фото из личного архива А. В. Лукьянова

Интересно так же направление движения дружинников. Рабочий поселок при лесопильном заводе – это несомненно Порт-Артур, на краю которого (ближе к мосту через Иркут) находился лесопильный завод товарищества «Лаптев, Михайлов и Вишняков»¹⁰⁶. Каких погромщиков там могли ждать и опасаться в эти дни? В каких громил вселили страх? Версия о том, что этот выезд мог быть вызван именно слухами о мобилизации «кавказцев» для ответного погрома, кажется не особенно противоречащей общей событийной канве.

О том, что такие слухи были и до какой степени они разрастались в условиях отсутствия надежной связи, можно получить представление из воспоминаний известного русского и советского писателя В. В. Вересаева, который по пути со службы в Маньчжурии, где он был военным врачом, прибыл на станцию Иркутск ночью 18 декабря 1905 года:

«Мы были верст за сорок от Иркутска. В вагон вошел взволнованный кондуктор и сообщил, что на станции Иркутск идет бой, что несколько тысяч черкесов осаждают вокзал.

– Какие такие черкесы? Откуда?

Около Иркутского вокзала расположен поселок, населенный кавказцами, – черкесами, армянами и грузинами. Несколько дней подряд в этом поселке шел погром. Ехавшие с нами два иркутских обывателя рассказывали, что кавказцы поселка – профессиональные грабители; кто вечером зайдет в поселок, исчезает бесследно; полиция боится кавказцев, и все грабежи остаются нераскрытыми. Недавно нашли в поселке труп

¹⁰⁵ Железников Н. Жизнь и скитания изобретателя-самоучки. Девятьсот пятый год // Вокруг света, М.: ЗиФ, 1932, №5, С. 66—67.

¹⁰⁶ См. напр.: Восточное обозрение, 1905, 28 мая, С. 4. Впоследствии паровая лесопилка.

зарезанного солдата. Солдаты с эшелонов и рабочие бросились громить поселок и избивать черкесов. При разгроме лавок будто бы нашли массу солдатских шинелей, винтовок и еще теплый труп унтер-офицера. Черкесы созвали из окрестностей своих земляков и напали на вокзал, чтобы отомстить.

В этих рассказах о еще теплых трупах и бесцельных убийствах солдат звучало что-то странное и знакомое, чувствовались за кулисами чьи-то предательские, кровавые руки. Пассажир, несколько дней назад проезжавший через Иркутск, видел самый погром. Он вышел на крыльцо вокзала. Поселок горел, из лавок расхищались товары; на его глазах солдат-погромщик разможил железной полосой голову бежавшему черкесу. А около вокзала стояла выстроившись рота солдат под командой офицера и спокойно смотрела. Пассажир спросил офицера, отчего он не остановит погрома.

— Мне не приказано вмешиваться. Велено только охранять вокзал.

...

Мы приехали в Иркутск поздно ночью. На вокзале все было тихо и спокойно.

...

Комендант, не удостоивая нас ответом, говорил, пуская слова через нос:

— ... трудно поручиться, удастся ли уж кому-нибудь вообще-то уехать отсюда дня через три-четыре. Сегодня вечером мы отбили от вокзала нападение черкесов. Говорят, их теперь собирается тысяч десять. Если сожгут вокзал и перервут сообщение, то запасные с эшелонов все кругом разнесут, нас перебьют, и что вообще будет, трудно сказать...

Мы вышли от коменданта злые и раздраженные. Куда направиться? Поселок у вокзала сожжен, в город попасть нельзя, потому что по Ангаре идет шуга, и перевоза нет; да и опасно ехать ночью из-за черкесов»¹⁰⁷.

¹⁰⁷ На японской войне // Вересаев В. В. Собрание сочинений. т. 3., М.: Правда, 1961, С. 254—256.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.